

Юрий Сергеевич Каспаров

yuri.kasparov@gmail.com

Заслуженный деятель искусств России,
заслуженный деятель культуры
Казахстана, профессор Московской
государственной консерватории имени
П. И. Чайковского

Yuri S. Kasparov

yuri.kasparov@gmail.com

Honoured Art Worker of the Russian
Federation, Honored Cultural Worker of the
Republic of Kazakhstan, Professor of the
Composition Department of Moscow State
P. I. Tchaikovsky Conservatory

О камерной кантате «Ангел катастроф» для баритона и 16 исполнителей на стихи Вадима Шершеневича

Аннотация

Статья посвящена воспоминаниям о премьере камерной кантаты «Ангел катастроф» для баритона и 16 исполнителей на стихи Вадима Шершеневича. Ее автор, Ю. С. Каспаров делится подробностями истории создания и исполнения этого сочинения в уникальном сооружении, последней работе архитектора Ле Корбюзье — Церкви св. Петра в Фирмини. Особое внимание уделяется герменевтике одноименного поэтического текста, положенного в основу поэмы. Строки В. Шершеневича становятся поводом для глубокой рефлексии над последствиями революции и трагическим расколом народа.

Ключевые слова

Ю. С. Каспаров, «Ангел катастроф», В. Г. Шершеневич, церковь св. Петра в Фирмини, Ле Корбюзье

The Chamber Cantata "Angel of Catastrophe" for Baritone and 16 Performers Set to the Poetry of Vadim Shershenevich

Abstract

The article is devoted to recollections of the premiere of the chamber cantata "Angel of Catastrophes" for baritone and sixteen performers, set to poems by Vadim Shershenevich. Its author, Yu. S. Kasparov, shares details of the history of the composition's creation and performance in a unique building—the last work of architect Le Corbusier, the Church of Saint Peter in Firminy. Particular attention is given to the hermeneutics of the eponymous poetic text that forms the basis of the cantata. The lines of V. G. Shershenevich become a point of departure for profound reflection on the consequences of the Revolution and the tragic division of the people.

Keywords

Yu. S. Kasparov, "Angel of Catastrophes", V. G. Shershenevich, Church of Saint Peter in Firminy, Le Corbusier

Одно из моих важнейших камерных сочинений — «Ангел катастроф», созданный по заказу французского ансамбля Ensemble Orchestral Contemporain и его дирижера Даниэля Кавки. Эта 25-минутная кантата для баритона и 16 исполнителей предназначена для состава, аналогичного «классической» симфонии на текст гениального русского поэта серебряного века Вадима Шершеневича¹. Поэма была написана в 1921 году, и это страшной силы произведение отражает послереволюционную российскую гуманитарную катастрофу.

Не могу сказать, что заказ был рядовой, его необычность заключалась в очерченной сверхзадаче, касающейся особых акустических условий. Дело в том, что премьера планировалась в Церкви Святого Петра в Фирмини — последней архитектурной работе Ле Корбюзье, — и сказать, что это сооружение необычное, означает не сказать ничего. Прежде всего, Ле Корбюзье на самом деле строил культурный центр! И ничего такого, что могло бы указывать на церковь, ни изнутри, ни снаружи, обнаружить просто невозможно! Полагаю, именно это и стало причиной того, что Церковь Святого Петра строилась более 50 лет и была закончена лишь в конце «нулевых» годов нашего столетия.

Главным помещением Церкви / Культурного центра является концертный зал. Более необычного зала я в жизни своей не видел, хотя повидал их к тому моменту, наверное, сотни. Не вдаваясь в подробности, скажу, что как толькоходишь в зал, возникает ощущение, будто ты где-то в космосе. И специфические проходы между рядами концертного зала, некоторые из которых идут вверх, некоторые — вниз, петляя и извиваясь, и стена за сценой с хаотически расположенными крошечными бойницами, сквозь которые пробивается свет и падает под разными углами, — все это очень непривычно и по-особому возвышенно. Специфический настрой, во всяком случае, это создает.

Каким бы путем человек ни входил сюда, как бы он ни шел к своему месту, сразу охватить уникальную специфику зала он не в состоянии. Она, эта специфика, раскрывается по мере продвижения от входа вглубь храма к месту слушателя. Но самое главное (для композитора, по крайней мере) и шокирующее поначалу — то, что акустика зала предельно гулкая, искажающая тембры особым, уникальным образом. Длительность реверберации в зале Церкви / Культурного центра, пожалуй, может претендовать на почетное место в Книге рекордов Гиннеса.

Даниэль настоял: прежде чем начинать работу над новой композицией, необходимо съездить в Фирмини и познакомиться с акустическими свойствами зала. Я долго откладывал поездку, но, наконец, года за два до премьеры отправился в путь. После очередной премьеры в Париже — помнится, это была «Сентиментальная прогулка» для двух хоров на стихи Поля Верлена — я тремя (!) поездами (Париж — Лион, затем Лион — Сент-Этьен, и после этого трехчасового путешествия еще сорок минут от Сент-Этьена до Фирмини) добрался-таки до Церкви Святого Петра.

¹ Вадим Габриэлевич Шершеневич (1893–1942), более известный как поэт-имажинист, в 1920-е гг. также активно работал в театре: писал либретто, сценарии и драматургические зарисовки для экспериментальных постановок. Его театральные тексты, включая либретто к «Джаз-оперетте» (1926), остаются малоизученными.

Я походил вокруг, любясь формой здания, которая почему-то вызвала у меня ассоциации с яйцом динозавра, затем вошел внутрь, поговорил с сотрудниками и прошел на сцену. Дальнейшее прозвучит как анекдот. Я щелкнул пальцами, вышел выкурить сигарету, вернулся и... отзвук моего щелчка все еще был слышен!

До самой премьеры я не мог даже предположить, почему Ле Корбюзье создал зал с подобной акустикой. И только после понял, что специфическая реверберация и искажение тембров усиливают ощущение некоего космизма и нереальности происходящего. И антураж, и акустика естественно дополняют друг друга. Даниэль был прав, настояв на предварительном знакомстве с залом! Но сверхзадача состояла не в том, чтобы написать произведение, хорошо слышащееся в такой акустике, а в том, чтобы создать музыку, звучащую одинаково органично и в сложной акустике Церкви Святого Петра в Фирмини, и в акустике «нормального» концертного зала.

Повторюсь, вне сомнений, «Ангел катастроф» — один из лучших моих опусов «десятих» годов. И в Марселе на так называемой *avant-première* в сухом и привычно выглядевшем концертном зале, и в фантастическом творении Ле Корбюзье в Фирмини успех у публики был грандиозный. Конечно, это во многом заслуга исполнителей, я не могу не выразить своего восхищения ими. Известный французский оперный певец Венсан Ле Тексье и *Ensemble Orchestral Contemporain* под управлением Даниэля Кавки были на высоте! Другим стимулом послужило то, что специально для этого концерта Даниэль Кавка сделал заказ четырем композиторам из разных европейских стран: итальянцу Джорджио Батистелли, испанцу Хосе Мануэлю Лопесу, французам Жоржу Апергису и мне, предложив написать 20–25 минутные пьесы для баритона и 16 исполнителей. «Соседство» с ведущими композиторами традиционно музыкальных стран не могло не мобилизовать меня.

Одноименная поэма Вадима Шершеневича, как уже было сказано, появилась в 1921 году. Это страшной силы произведение отражает послереволюционную российскую гуманитарную катастрофу и отношение самого автора к происходящему. Шокирующего к тому времени накопилось предостаточно: это и голод в Поволжье («Выщипывает рука голодухи С подбородка Поволжья село за селом»), и расстрел Н. С. Гумилева («Как свечка в постав пред иконой, К стенке поставлен поэт»), и отношение сограждан ко всему происходящему («Ничего. Жернов сердца все перемелет, Если сердце из камня теперь») [2, 306].

1921 год — год переломный в истории России, отразившийся на судьбах миллионов людей, и потому уже первая строфа поэмы содержит библейские аллюзии:

«Истинно говорю вам: года такого не будет!..
Сломлен каменный тополь колокольни святой.
Слышите: гул под землею? Это в гробе российский прадед
Потрясает изгнившей палицей своих костей» [2, 304].

Первый стих является почти дословной цитатой из Евангелие от Матфея: «Ибо истинно говорю вам...» Мф. (5:18). Третий стих, начинающийся словом «слышите», ассоциативно связан с фразой из «Откровения»: «Имеющий ухо, да слышит» Откр. (2:7).

Следует заметить, что тревожное предчувствие надвигающейся катастрофы в ту пору охватывало многих, в первую очередь, наверное, поэтов. Несмотря на то, что страна только-только вышла из ужаса гражданской войны, ощущение катастрофы не только не исчезало, но продолжало усиливаться. И действительно, вскоре гражданская война переросла в тотальную войну против собственного народа. Красный цвет в поэме устойчиво связан с выстрелами, пулями и убийствами:

«Казначейство звезд и химеры...
Дурацкий колпак – небосклон,
И осень стреляет в заборы
Красною дробью рябин.

Красный кашель грозы звериной,
И о Боге мяучит кот.
Как свечка в постав пред иконой,
К стенке поставлен поэт» [2, 305-306].

В те же годы жил пролетарский поэт А. П. Крайский; он предлагал не останавливать тот самый паровоз, паровоз насилия, который летит вперед:

«Не хватит воды,
Мы собственной кровью наполним котел,
Не хватит угля —
Телами накормим железную глотку,
Вперед!» [1, 35].

В таких каннибальских стихах пролетарский поэт Крайский пропагандировал идею всемирной революции. И в «Ангеле катастроф» Шершеневич показал, к чему привела эта безумная идея:

«Шел молиться тебе я, разум,
Подошел, а уж ты побежден.
Не хотели ль мы быть паровозом
Всех народов, племен и стран?

Не хотели ль быть локомотивом,
Чтоб вагоны Париж и Берлин?
Оступились мы, видно, словом
Поперхнулись, теперь под уклон» [2, 306].

Предпоследняя строфа поэмы не просто глубоко пессимистична — от нее веет трагической безысходностью:

«Лишь мигают ресницами спицы,
Лишь одно нам: на дно, на дно!
Разломаться тебе, не распеться
Обручальною песней, страна!» [2, 307].

С формальной точки зрения поэзии Вадима Шершеневича присущ акцентный стих и тактовик, позднее — диссонантная рифма. Вкупе с содержанием это достаточно непривычно, и многих, как уже было отмечено, шокирует. Меня же, когда я познакомился с поэмой, она

просто потрясла! Именно «Ангелу катастроф» Вадима Шершеневича я обязан одним из своих лучших камерных сочинений.

От редакции

Когда я впервые прочитала эти воспоминания, сложилось впечатление, что они обрываются на самом интересном месте. Я тут же подседа к клавиатуре и написала Юрию Сергеевичу очень эмоциональное письмо с настойчивой просьбой продолжить рассказ.

Дорогой Юрий Сергеевич!

С огромным удовольствием ознакомилась с обновленным вариантом текста Ваших воспоминаний. Но Вы остановились на самом интригующем моменте. Каким же предстал «Ангел катастроф» перед слушателями?

Это было нечто непонятное? Неслыханное по выразительности?

Чем Вам запомнилась эта премьера? Уж наверняка ничего подобного Вы не испытывали в своей жизни. Как Вы думаете, что это было со стороны Корбюзье: провал или преднамеренная акция?

Думаю, подобный интерес возникнет и у наших читателей. Пожалуйста, не оставляйте их в неведении. Понимаю, что мои вопросы могут показаться излишними, но, по законам жанра, щелчок пальца, прозвучавший в начале, должен как-то отозваться в конце.

С нетерпением жду финал.

Ваша А. А.

Дорогая Анна Амраховна!

Очень рад, что история вокруг «Ангела катастроф» Вам понравилась!

Что касается Ваших вопросов, ответы на них уже есть в тексте, и повторяться в конце, разжевывая детали, нет никакого смысла. Это все испортит.

Ваш ЮК

«Пусть будет по-Вашему», — так ответила я, хотя бросать дело на полпути абсолютно не в моих правилах. Просто мне в голову пришла мысль, что «осколки» могут быть отражены по-разному: и в музыкальном произведении, и в прозе. И даже вот так — в литературном опусе. В таком варианте суть их становится намного ярче и понятнее.

А. Амрахова

Литература

1. *Крайский А. П.* На панельных квадратах: Стихи. Ленинград: ЛАПП, Прибой, 1930. 61 с.
2. *Шершеневич В. Г.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Акад. проект, 2000. 360 с.

References

1. Kraisky, Aleksandr P. 1930. *Na panel'nykh kvadratach: Stikhi* [On Panel Squares: Poems]. Leningrad: LAPP, Priboi. (In Russian).
2. Shershenevich, Vadim G. 2000. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems and Narrative Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russian).